В мире много художников, каждый имеет свой почерк, свою индивидуальность. Хочется чем-то запомниться, обрести своё лицо. Его своеобразная манера пленяет зрителя. Обычно картины пишут, а наш художник их… шьёт, создаёт свои сюжеты из маленьких лоскутков различной кожи. Свою первую картину он сшил в 1990 году. Одной работы для выставки мало, взялся за целую серию. Семнадцать его вещей были показаны в Новосибирске в 1991 году на «Сибирской ярмарке». Сегодня работ у него – 1240.

Затем были выставочные залы в Новосибирске, Петербурге, Москве, других странах (Германия, США, Франция, Китай)! Люди сразу обратили на него внимание, заинтересовались работами. Рукодельницы, правда, и более сложные вещи делают. Он шил одежду, поэтому знает о чём говорит. Например, создать пальто гораздо сложнее, чем соединить на одной плоскости фрагменты кожи. Это лоскутное творчество, но редкое в мире. Таких художников, как Игорь Соби, не найти.

Большинство картин сшито из обувной кожи. Это крепкий, надёжный материал. Первым работам уже 25 лет, и они не изменились. Кожа рассчитана на атмосферные осадки,

обработана защитными препаратами. Если специально не уничтожить картину, то она будет жить долго.

В Новосибирске была (и есть!) обувная фабрика. В основном, конечно, там работали с чёрным цветом. Но немного детской и спортивной цветной обуви всё-таки производили. Красная, зелёная, голубая, белая кожа тоже встречалась… Объёмы производства были сумасшедшие, речь шла о миллионах дециметров материала. Ему удавалось достать цветную. А белую, как известно, можно окрасить в любой цвет. Он и сейчас часто использует акриловую краску в своих работах.

Беседуя с этим замечательным человеком, поражаешься его неукротимой энергией, духом детства. О своём творчестве Игорь Николаевич может рассказывать бесконечно. Природа даёт огромный выбор ткани, кожи, цвета. Где всё берёт? Например, кожу крокодила из Судана? Это подарок! *«Заворожил – покупаю, использую в композиции. Бывают у меня этапы увлечения определённым тоном. То любимый лиловый, то светло-кофейный… После того, как я побывал в 2012 году в США, меня впечатлили краски на тех работах, что я увидел в музеях. Яркие цвета работ индейцев повлияли на меня. Художники постоянно где-то чем-то «заражаются», как вирусом. Например, я посетил Китай и стал больше использовать в своих картинах рыбью кожу. И свиную кожу, и змеиную... Кожа страуса интересно смотрится, она неровная, словно с пупырышками. Был у меня период, когда я делал картины из меха, из шкур норки, лисы.*

Я художник декоративно-прикладного искусства, для меня орнаментальность на первом плане. Лаконичность и доступность восприятия – основные критерии. Чем больше рваных линий, тем более картина получается «домашней», привлекательной. Такое полотно напоминает кружево. У меня есть собственная теория, почему работы Павла Фило-

нова разбиты на кусочки. Его бабушка была вологодской кружевницей. И оттуда его тяга к маленьким фрагментам – они очень декоративны.

В России жив интерес к искусству.

Я родился и вырос в промышленных кварталах. Моё окружение – это люди, работавшие на заводах. Художник, певица, актриса – для нас были люди из другой реальности. Если мальчишка до армии что-то мастерил, посещал художественную школу, то это воспринималось как баловство. Мол, чем бы дитя не тешилось. Я посещал кружки во Дворце пионеров, думал, на этом для меня всё и окончится. После армии полагалось вести «настоящую жизнь». Если ты мужик, то должен быть на заводе, у станка… Но всё свободное от работы время я проводил в библиотеках, в картинных галереях. Мне это было близко. Если сейчас встречаю одноклассников, то они не удивляются, что я стал художником. Я с младших классов постоянно что-то писал, лепил из пластилина… Мы обычно рано определяем, кем хотим стать, но в моём случае среда не располагала. Когда тебя одобряют, то легче творить. В итоге так сложилось, что первую картину я сшил, когда мне было почти 30 лет.

После того, как я продал свою первую картину за 1000 долларов, мои родственники признали, что я художник. С 1991 года веду жизнь свободного художника. Я без этого себя не мыслю. Мне очень повезло, что моя жена Ольга дочь писателя, поэтому она была немного знакома с богемной жизнью. Она мой главный помощник! Ограждает меня от бытовых вещей. Я двадцать с лишним лет творю потому, что у меня есть соратник, моя Анка-пулемётчица! Иначе бы ничего не получилось…

Рядом должны быть люди, которые тебя подбадривают, хвалят. Для творчества самое главное – божественный

посыл, а дальше как судьба сложится. Если есть люди, которые тебя поддерживают, не оставят голодным, то ты начнёшь свободно творить. Дальше хотелось бы свою мастерскую. Мне небольшую, метров на двадцать, предоставил новосибирский Союз художников, в котором я давно состою. Выставочные залы у нас есть, куда бесплатно пока пускают. Кстати, я поразился: в США в музеи свободный вход и для посетителей. Мы строили коммунизм, а музеи бесплатные у них! Завидно. В Германии часто билеты стоят чисто символическую сумму. У нас пока не так, и это очень обидно. Хотя, с другой стороны, в России пока хорошие условия для поэтов, художников, актёров в том плане, что ими больше интересуется публика. У меня сложилось такое впечатление.

У Игоря Соби выставки запоминаются своей выразительностью: «Люди и звёзды», «Летит сорока и сорок» … Никто не отрицает, что есть знаки зодиаков, они влияют на судьбу. У него есть целая серия: 12 знаков по годам и 12 по месяцам и другие композиции. Он провёл в «Арт-галерее» свою «Чайную церемонию», так называется его новая экспозиция.

«В Томске ещё в давние времена были чайные, одна из известных располагалась возле Ушайки. Ямщики любили погреться за чашкой чая. И сегодня этот напиток объединяет людей… Чай – повод поговорить».

«Самый любимый, поэт, понятно, Александр Сергеевич Пушкин. На другой стороне – Владимир Владимирович Маяковский. И все остальные помещаются между ними… К Маяковскому я пришёл через Есенина. Я оформлял спектакль в театре на Таганке по его поэме «Анна Снегина», делал декорации. Когда вплотную начал заниматься «Анной Снегиной», то выяснилось, что у Есенина всегда были контрастные диалоги

с Маяковским. Я всегда полагал, мне близок Есенин. И вдруг столкнулся со стихами Маяковского, и они меня потрясли! Считаю, его творчество сложнее, чем у Есенина. Маяковский мог по-разному писать. И как Пушкин, и как Лермонтов, и как Блок, и как многие другие поэты Серебряного века. Для меня он поэт-фантаст. Надо было обладать громадным талантом, чтобы написать «…если звезды зажигают –значит – это кому-нибудь нужно.»

«У меня проходила выставка в Москве, в Центральном Доме художника. Так принято, что туда запросто приходят актёры, режиссёры. И мы случайно встретились с Валерием Золотухиным. Он посмотрел мои работы, они его поразили, он предложил мне поучаствовать в создании нового спектакля. Я сказал, что конечно, с удовольствием сделаю декорации из кожи. Думал, дальше разговоров дело не пойдёт, но на следующий день со мною связался его представитель. Меня пригласили в театр на Таганке. А он, считаю, для любого человека нашего возраста связан в первую очередь с Владимиром Высоцким… Я изготовил декорации и афиши для спектаклей. С ними театр потом гастролировал по всему миру. Через него меня ввели во Всероссийское авторское общество».

«Соби» – это псевдоним. Моя фамилия Сизов. Но «Игорь Сизов» – достаточно распространённое сочетание. Решил выделиться, чтобы меня ни с кем не могли перепутать. Новосибирск стоит на реке Обь, так и возникла идея стать Соби. И новая фамилия прижилась».

«Приятно, когда моя картина кому-то нравится, и она становится воспоминанием о том времени, когда мы были вместе».